

К.Ф. Седов
Саратов

Функциональный базис речи в структуре сознания
(к 80-летию со дня рождения И.Н.Горелова)

Одной из центральных проблем современной психолингвистики была и остается проблема языкового сознания, под которым обычно понимают «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000 26]. «Сознание, – справедливо отмечает М.М. Бахтин, – слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива (...). Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает в себе их логику и их закономерность» [Бахтин 2004: 69]. Отсюда логично вытекает вопрос о природе его знакового наполнения, о соотношении в нем вербальных и невербальных форм.

Попытки разграничения знакового содержания сознания приводят психологов к выделению в его структуре бытийного и рефлексивного уровней (В.П. Зинченко), разграничению понятий когнитивное и языковое сознание (П.Я. Гальперин). С этим же отчасти связано предположение Н.И. Жинкина о реализации человеческого мышления в двух противостоящих динамических звеньях – предметно-изобразительном и речедвигательном коде. Однако при таком подходе остается непроясненным механизм перехода от бытийных, когнитивных структур сознания к материалу национального языка. Попыткой перебросить «мостик» от образных, невербальных знаковых компонентов сознания к уровню сознания языкового можно считать идею И.А. Стернина [2001] о существовании коммуникативного сознания, в объем которого входят и знаки языка и невербальные компоненты общения.

Ответ на вопрос о структуре сознания человека дает концепция функционального базиса речи, созданная талантливым психолингвистом «первой волны» Ильей Наумовичем Гореловым. Суть теории, если говорить коротко, заключается в том, что в нашем сознании существует и активно «рабо-

тает» некое семиотическое образование, невербальный код, который состоит из телесно-вокально-изобразительных знаковых компонентов. Именно это образование и есть функциональный базис речи. Многочисленные экспериментальные исследования позволили И.Н. Горелову сделать важные выводы, некоторые из которых мы процитируем.

1. «Наблюдаются многочисленные случаи формального владения речью, при котором ребенок подражательно оперирует словами и словосочетаниями – с «пустыми», неадекватными и приблизительно усвоенными значениями. Это же явление наблюдается и в речи взрослых. Оно объясняется стихийным характером овладения речью. В таких случаях овладение формой речи опережает овладение содержанием» [Горелов 2003: 31-32].

2. «...интеллект порождает речь, а не речь интеллект» [там же: 32].

3. «Умственные действия, включая и обучение языку, должны осуществляться на базе доязыковой информативной системы» [там же].

4. «Указанная система занимает, по-видимому, промежуточный уровень между первосигнальной и второсигнальной системами» [там же: 33].

В эксплицитном виде невербальное системно-кодовое образование, о котором пишет Горелов, появляется у ребенка до того, как он овладевает национальным языком. Еще раз отметим, что код этот имеет несловесную природу и образует нечто вроде мостика между интеллектом человека и его языком. Знаковым материалом этой коммуникативной системы становятся невербальные компоненты: жесты, мимика, несловесные вокализации, интонация речи и др. Последующие исследования речевого онтогенеза полностью подтверждают правоту гипотезы Ильи Наумовича (подробнее см.: [Седов 2008]).

По убеждению ученого, функциональный базис первичен не только в онтогенезе, но и в филогенетическом развитии языка. Иными словами, прежде чем человек обрел звучащую речь, он в качестве способа общения использовал «озвученную пантомиму». Косвенным подтверждением последнего утверждения стали результаты экспериментов по обучению высших приматов коммуникативному поведению. Опыты эти были проведены в

60-70-х гг. 20-го столетия американскими зоопсихологами (супругами Р. и Б. Гарднерами, Р. Футсом, Д. Примаком и др.) (см.: [Зорина, Смирнова 2006]). Ученым удалось научить обезьян использовать в коммуникативной деятельности жестовый язык глухонемых. Знаменитая на весь мир шимпанзе по имени Уошо, комбинируя усвоенные знаки, строила предложения, адресованные своим воспитателям, при помощи знаков она, подобно детям дошкольникам, создавала новые слова и т.д. Исследования зоопсихологов позволяют сделать важные теоретические выводы. Они меняют расхожие представления о формировании средств коммуникации у наших предков. Подтверждая справедливость теории Ильи Наумовича, данные зоопсихологии возвращают нас к жестовой гипотезе происхождения языка, так поспешно сданную в архив советским языковедением (подробнее см.: [Якушин 1985: 128]).

Другой, еще более глубокий, вывод, который позволяют сделать наблюдения за коммуникативным поведением приматов и который хорошо объясняется с позиции теории И.Н. Горелова, касается природы мышления человека. Успехи приматов, которые при помощи невербальных компонентов общались с людьми и между собой, позволяют говорить о том, что прежде, чем человек овладел умением совершать формально-логические операции, он создал древнюю систему обработки информации, которая отражает особенности архаического магического пра-логического мышления. И это мышление не исчезло вместе с достижениями цивилизации, а осталось в нас как неотъемлемый, базовый слой нашего сознания. Тот самый слой, который, по мнению Ильи Наумовича, непосредственно связан с функциональным базисом речи.

Присутствие механизмов этого архаического способа познания мира в сознании современных людей в полной мере подтверждают исследования нейролингвистов (см.: [Балонов, Деглин 1976; Седов 2007; Черниговская, Деглин 1986]). По их данным в психике человека сосуществуют две системы обработки поступающей к нам на уровне восприятия информации. Более поздний – основан на принципах формально-логических операций; именно он лежит в основе современного научного познания. Это тип мышления, который в психологии принято назы-

вать вербально-логическим. Местом локализации мозговых процессов этого слоя сознания человека, по преимуществу, является левое полушарие переднего мозга. Однако наряду с этим поздним приобретением эволюции в мозге человека «работает» другой, не менее важный для понимания природы его психики, механизм; он составляет древний слой пралогического сознания и мышления. Это способ обработки информации, который формировался в течение миллионов лет, и которым буквально пронизаны все проявления человеческой культуры, будь то искусство, религия, бытовые представления и предрассудки или языковая система. Главное, что отличает знаковый материал правополушарной системы – это мотивированность его элементов. Иными словами форма и содержание, означаемое и означающее в протоязыковой коммуникативной системе связаны и взаимообусловлены.

Идея И.Н. Горелова о функциональном базисе речи хорошо согласуется с концептуальными построениями Н.И. Жинкина, и прежде всего с его гипотезой существования в сознании человека особого языка интеллекта – универсального предметного кода (УПК), который «может быть охарактеризован некоторыми общими чертами. Во-первых, это код непроизносимый, в нем отсутствуют материальные признаки слов натурального языка. Здесь нет последовательности знаков, а есть изображения, которые могут образовать цепь или какую-то группировку. Этот код отличается от всех других тем, что обозначаемое других языков в этом новом коде является вместе с тем и знаком. (...) Такой предметный код представляет собой *универсальный язык*, с которого возможны переводы на все другие языки» [Жинкин 1998: 35-36].

Итак, УПК – это особая система, знаки которой суть иконические образования, возникающие в сознании человека по мере формирования его социального опыта. В самом элементарном выражении они представляют собой образы предметов. В ходе формирования личности человека они способны усложняться, образуя систему понятий, схем, моделей, фреймов. В совокупности они составляют то, что в последнее время получило название концептов. Но как взаимодействует глубинный (концептуальный) и поверхностный (языковой) слои нашего сознания.

Используя метафору М.М. Бахтина, скажем, что приводными ремнями между этими двумя знаковыми системами, между первичной и вторичной сигнальными системами (по И.П. Павлову) становится гореловский функциональный базис речи.

Эта знаковая система первична не только в фило- и онтогенезе; она начинает работать первой при запуске механизма порождения высказывания. Именно в пределах ее возможностей (в правом полушарии мозга человека) начинает формироваться первичная запись замысла, именно в ее знаковом материале начинает совершаться мысль. Как показали эксперименты Ильи Наумовича, в ходе порождения речи первичным материалом выражения выступают невербальные компоненты коммуникации. «В процессе же формирования высказывания, – пишет Горелов, – «вербальная часть сообщения накладывается на предварительно выраженную невербальную систему коммуникации» [1980: 81].

Невербальный базис, эта первичная форма существования мысли, появляется в языковом сознании ребенка задолго до овладения им языком как лексико-грамматической системой. Его появление в сознании взрослых связано с интериоризацией паралингвистической системы коммуникативных средств, при помощи которых ребенок первые два года главным образом объясняется с окружающими его людьми. «Мы считаем, – писал Горелов, – что протоязыковая система коммуникации занимает промежуточное положение между 1-й сигнальной системой (ощущения, восприятия) и той «чрезвычайной прибавкой» (как ее называл И.П. Павлов), какой является 2-я сигнальная система, т.е. любой из национальных языков. Поскольку функционирование зрелой человеческой психики характеризуется взаимодействием развитых систем мышления (УПК + УПСК [универсальный предметно-схемный код – К.С.]) и языковых средств выражения, то основы таких зрелых систем образуют УПК и протоязык. Они-то в их совокупности и взаимодействии составляют то, что мы называем функциональным базисом речи. В конкретном онтогенезе может действовать бедный УПК, могут порождаться убогие тексты. Но филогенетические достижения в целом паразитительны, являя и гениальные литературы, и гениальные невербальные творения – музыку, скульптуру, балет, живопись. Есть

обоснованное мнение: самые крупные научные результаты возникают в процессе параллельного – интуитивно-образного и рационального постижения сущности. А корни такого параллелизма закладываются еще в раннем онтогенезе» [Горелов 2003: 106-107].

Концепция И.Н. Горелова существенно меняет контуры фундаментальной теории современной психолингвистики. Она ставит под сомнение многие положения лингвистики, которые обрели статус аксиом. Например, положение о немотивированности фонетической формы языкового знака. Да, левым своим полушарием, опираясь на возможности фонематического восприятия, мы различаем слова в речевом потоке. Но древние механизмы нашего сознания, из правого (безъязыкого) полушария на бессознательном уровне включают механизмы фоносемантики, заставляя нас искать звуковые соответствия между формой и содержанием. Остроумные эксперименты, разработанные Ильей Наумовичем, убедительно показывают реальное существование потребности в такой гармонии между звуком и смыслом, которая существует в сознании человека (см.: [Горелов, Седов 2008: 15-20]).

Теория функционального базиса, кроме сугубо теоретического, имеет и прикладное значение; ее понимание позволяет в полной мере осознать роль невербальных компонентов в коммуникативном взаимодействии людей. Сейчас мы наблюдаем своего рода моду на невербальную семиотику. За последнее десятилетие появилось много содержательных лингвистических и психологических трудов, посвященных этой теме (см., например: [Крейдлин 2002, Лабунская 1999]). Но раскрытие основных секретов, главных пружин общения без слов все же таки принадлежит Горелову. Именно он экспериментально доказал, что первичность попыток невербального воплощения высказывания, которая затрагивает самые ранние уровни коммуникативного намерения, позволяют изобличать скрытые намерения говорящего. Вторая, не менее важная мысль заключается в том, что на бессознательном уровне адресат общения испытывает воздействие невербальных компонентов собеседника. Приведенные положения отнюдь не тривиальны: их осознанное использование в

построении коммуникации способно сделать общение более эффективным и результативным.

Идеи И.Н. Горелова получают новое подтверждение в работах современных жанроведов, усилия которых направлены на создание дискурсно-жанровая концепции речеведения, которая имеет и психолингвистический аспект. Теория речевых жанров на нынешнем этапе своего существования превратилась в самостоятельную научную область, которая, вторгаясь во многие сферы языкознания, сама проверяет их на теоретическую дееспособность (см., например: [Антология речевых жанров 2007]). В значительной степени это обусловлено универсальной природой жанров речи, предстающих в виде лингвистического феномена, в котором соединяются языковые средства общения и социально значимые формы социального взаимодействия людей. По мере развития отечественной генристики в сознании ученых-гуманитариев все прочнее укрепляется мысль о том, что область науки о языке, изучающая речевые жанры, не должна ограничивать свои задачи созданием эмпирической «морфологии жанров общения». Взгляд через «призму речевого жанра» позволяет прояснить не только многие сущностные свойства речевой коммуникации, но и углубить наши знания о природе сознания человека, о характере соотношения речи и мышления. Достижения жанроведения начинают проникать в психолингвистику, уточняя многие положения теории речевой деятельности, подвергая коррекции ее многие базовые аксиомы.

Одним из краеугольных камней отечественной общей психолингвистики выступает концепция порождения речи. Практически все авторитетные модели формирования высказывания выглядят как процесс перехода мысли в слово (текст), который осуществляется в виде чередующихся стадий. Изучение речевого мышления в свете теории речевых жанров позволяет сделать акцент на простых, но методологически чрезвычайно важных положениях: нет и не может быть одной и единственной модели порождения речи; речевая жизнь «пользователей» языком столь же многообразна, сколь многообразно социальное бытие, а потому различные ситуации общения, разные стили и жанры речи предполагают неодинаковые способы разворачивания мысли в дискурс. Отличия в целях и задачах коммуникации, с одной сто-

роны, в индивидуальном речевом опыте и речевой компетенции, – с другой, требуют от говорящего изменений в стратегиях речевого поведения и речевой деятельности. Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в разных коммуникативных условиях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы.

Важно понимать, что жанры общения не являются внешним условием коммуникации, которые говорящий / пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом в ходе формирования дискурса уже на стадии возникновения коммуникативного намерения (следующей после появления мотива речи) происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию (болтовни или разговора по душам, комплимента или ссоры, светского общения или публичного выступления и т. д.), ту или иную модальность общения (конфликтную, центрированную, кооперативную). Именно на этом этапе у говорящего появляется – пока еще смутная – общая цель (интенция, иллокуция) высказывания (см.: [Горелов, Седов 2008]).

Установка на конкретный речевой жанр возникает на самых первичных стадиях формирования речи; она влияет на выбор модели речепорождения: характер образования смысловой программы будущего высказывания, способ перекодировки во внутренней речи и т.п. Воздействие речевых жанров проявляется не только в разворачивании высказывания. Жанровая составляющая общения в не меньшей степени предопределяет особенности смыслового восприятия речи. Все это позволяет говорить о жанровом мышлении как составляющей мышления речевого и о жанровой компетенции как компонента компетенции коммуникативной.

В сознании человека фреймы речевых жанров образуют пространство, которое располагается между глубинными слоями концептосферы и поверхностным уровнем языкового сознания. И в этом случае речевые жанры не только выполняют роль

«приводных ремней от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165], но и приводных ремней между социальным опытом человека и его языковой компетенцией. Жанровый слой сознания человека имеет, если так можно выразиться, диффузный характер. В той его области, которая граничит с глубинными пластами концептосферы, он еще не имеет форм языкового выражения, образуя систему фреймов ситуативных жанров. Верхний уровень жанрового сознания содержит фреймы речевых жанров, где уже появляется представление о вербальном оформлении типических ситуаций социального взаимодействия людей. В нижней своей части жанровое сознание включает в себя то, что И.Н. Горелов называет функциональным базисом речи. Он представляет собой некое семиотическое образование, невербальный код, который состоит из телесно-вокально-изобразительных знаковых компонентов. В эксплицитном виде это невербальное системно-кодовое образование появляется у ребенка до того, как он овладевает национальным языком. Еще раз отметим, что код этот имеет несловесную природу и образует нечто вроде мостика между интеллектом человека и его языком. Знаковым материалом этой коммуникативной системы становятся невербальные компоненты: жесты, мимика, несловесные вокализации, интонация речи и др.

Функциональный базис речи выступает важной составляющей речезанрового мышления: он запускает механизм порождения речи, проявляя себя на уровне формирования у говорящего коммуникативного намерения. Именно в его знаковом материале начинает формироваться замысел высказывания, в котором на первых порах отсутствуют знаки национального языка. Только после этого во внутренней речи происходит перекодировка, перевод содержания с невербального языка на язык жанровых стереотипов.

Идеи, высказанные И.Н. Гореловым в семидесятые годы прошлого века, сейчас как бы обретают новое рождение. Обращение к теоретическим построениям ученого открывает новые перспективы в исследовании центральных проблем психолингвистики.

Литература

Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация /Под ред. К.Ф. Седова.. – М., 2007.

Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. – Л., 1976.

Бахтин М.М. Марксизм и философия языка // *Общая психолингвистика: Хрестоматия.* – М., 2004.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах.* – М., 1996. Т.5.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М., 1980.

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М., 2003.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. [6-е пер. и доп. изд.] – М., 2008.

Жанры речи. – Саратов, 1997-2007. – Вып.1-5.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.

Жинкин Н.И. Язык — речь — творчество. – М., 1998.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М., 2002.

Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д, 1999.

Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика. – М., 2007.

Седов К.Ф. Онтопсихолингвистика. 2008.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // *Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация.* – М., 2007а.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // *Языковое сознание и образ мира.* – М., 2000.

Черниговская Т.В., Деглин В.Л. Метафорическое и силлогическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // *Семантика пространства и пространство семантики. Труды по знаковым системам.* Вып. 19. – Тарту. 1986.

Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. – М., 1985.

©Седов К.Ф., 2008